

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro : 1 Fr. 50

22-ое МАЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Мирный и умѣренный элементъ въ русскомъ социально-революціонномъ движеніи. — 2) Кіевскіе просвѣтителі. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 3) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». VI. Письма Ч. къ А. И. Герцену. — 4) С. И. Бардина. К. — 5) Изъ Подольскаго села. С. Кр. (Корреспонденція «В. Слова»). — 6) Бюрократія и новыя желѣзныя дороги. (Корресп. «В. Слова»). Р. Ф. — 7) Земская Хроника. V. Административно-политическіе вопросы. О. В. — 8) Парижскій рабочій конгрессъ. — 9) Библиографія. Календарь «Народной Воли» на 1883. — 10) Извѣстія и замѣтки: Новый видъ политическихъ арестовъ. — Къ варшавской студ. исторіи. — Дешевое шпіонство. — Изъ Петербурга. — Къ свѣдѣнію объ одесскомъ полг. процессѣ 26-ти. — Изъ Львова. — Новости женева-русской печати. — Поправка. — 11) Отъ редакціи.

ЖЕНЕВА, 22 мая 1883.

Заглавіе настоящей статьи можетъ вызвать улыбку у многихъ читателей консервативнаго лагеря и, пожалуй, негодованіе у иного читателя лагеря революціоннаго. А между тѣмъ оно, смѣемъ думать, намѣчаетъ дѣйствительно существующее явленіе и при томъ на столько важное, что о немъ непременно слѣдуетъ поговорить открыто. Не только умѣренный, но и въ сущности очень мирный элементъ существуетъ не только подъ воинственными девизами, но и за военными дѣйствіями русскихъ революціонеровъ и часто даже, — какъ это съ перваго взгляда ни странно, — самымъ, повидимому, крайнимъ и военнымъ русскимъ социально революціоннымъ фракціямъ, элементъ этотъ гораздо болѣе присущъ, чѣмъ другимъ, менѣе грознымъ по внѣшнему виду.

Мы не считаемъ вполнѣ точною ту схему исторіи русскаго социально-революціоннаго движенія, которая въ послѣднее время не разъ провозглашалась его представителями на политическихъ процессахъ и въ печати русской и иноязычной, — и которую, благодаря именно ея излишней абсолютности, царскимъ прокурорамъ и офиціознымъ публицистамъ легко было объявлять фальшивою и даже лицемѣрною, — именно будто бы русское социалистическое движеніе начала 70-хъ годовъ было совершенно мирно-пропагандистское и стало революціоннымъ, а потомъ и „террористическимъ“ — уже послѣ, вслѣдствіе правительственныхъ насилій. Противъ такой схемы не трудно выста-

вить достаточное количество „кроваво-революціонныхъ“ фразъ изъ русскихъ социалистическихъ прокламацій и листовъ еще конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, указать на существованіе еще въ 70-е годы кружковъ „бунтарей“, а равно и набрать, хотя бы, напр., изъ бумагъ, захваченныхъ еще при арестахъ 1874 г. или изъ переписки русскихъ эмигрантовъ этого времени, попавшей въ руки прусскихъ властей и выставленной въ берлинскомъ процессѣ 1878 г., — цѣлый рядъ фразъ, изъ которыхъ складывается полный катехизисъ того русскаго „терроризма“, какой сталъ на видный планъ въ послѣдніе годы. Наконецъ, во многихъ изъ тѣхъ книжекъ, съ которыми самые мирные пропагандисты отправились въ народъ въ 1874—1875 гг., было достаточное количество кроваво-революціонныхъ фразъ.

Все это надо признать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что въ средѣ русскихъ социалистовъ 70-хъ годовъ существовала немалочисленная фракція „мирныхъ пропагандистовъ“, исповѣданіе вѣры которыхъ изложено, напр., (и мы думаемъ, что вполнѣ искренно) въ рѣчи Бардиной на процессѣ 50-ти въ 1877 г. Это исповѣданіе, во первыхъ, даже гораздо болѣе дѣлаетъ уступокъ господствующимъ идеямъ (особенно относительно религіи), чѣмъ самый умѣренный социализмъ въ зап. Европѣ, откуда наши социалисты заимствовали свои ученія, — а во вторыхъ, прямо отрицаетъ воззваніе къ бунту.

«Собственности я никогда не отрицала, — говорила русская социальная революціонерка передъ судомъ, — коммунизмъ, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни кто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуетъ... Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ Основателемъ Христіанства *)... Въ подрываніи государства я столь же мало виновна. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подрывать государство не могутъ... Къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ... Обвиненіе говорить, что мы желаемъ уничтожить классы, и поднимать это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ поголовно вырѣзать всѣхъ помѣщиковъ, дво-

*) Подобное отношеніе къ христіанству, весьма перѣдко въ р. социалистическо-народническихъ кругахъ, объясняется, конечно, слабымъ распространеніемъ въ нихъ, какъ вообще въ Россіи, результатовъ европейской науки о религіяхъ, положеній которой на Западѣ успѣли уже прососаться и въ среду рабочихъ.

рянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять такъ недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обуславливающія раздѣленіе людей на классы, — на имущихъ и неимущихъ, но не самихъ личностей, составляющихъ эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такіа свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое въ свою очередь стало-бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству по-стольку, по-скольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ крокодилаго-то и безправственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество, — можетъ быть потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобныя вопросы гласнымъ образомъ, публично...

(Дальше Бардина отказывается также и отъ заговоровъ (сoup d'état) и является ан-архисткой, толкуя прокурору прудоновское значеніе этого термина).

Всѣ такіа слова свидѣтельствуютъ не только о полной мирности стремленій извѣстныхъ лицъ и кружковъ изъ тѣхъ, кто такъ жестоко былъ покаранъ царскими судами (а также жандармами и прокурорами еще до суда), но и о значительной умѣренности ихъ даже теоретическихъ требованій сравнительно съ ихъ западными единомышленниками, которыхъ никакой судъ въ зап. Европѣ не вздумалъ бы показывать даже и послѣ исключительныхъ законовъ Бисмарка, а особенно такъ жестоко показывать.

Мы не будемъ разсчитывать, сколько между арестованными и такъ или иначе затронутыми полиціей молодыми социалистами 1874—75 г. (а такихъ было около 2000) было „мирныхъ пропагандистовъ“, въ родѣ Бардиной. Но несомнѣнно, что ихъ было не мало и что жандармы и прокуроры, вдохновленные приказами ген. Потапова и гр. Палена „арестовать всѣхъ подозрительныхъ людей“, обратили въ социалистовъ и „кровавыхъ революціонеровъ“, не только ихъ, но и всякаго рода коопераціонистовъ на тотъ манеръ, какой появился у насъ въ 60-е годы, и которые, примѣняя на нѣмецкій аршинъ, выходили у насъ своего рода не только лассалланцами, но даже шульце-делицианцами, и которые даже просто хотѣли какъ нибудь, только искренно, служить мужику,

стороны, и провинциальные земцы начинают обнаруживать притязательность, убъждались, чѣмъ дальше, все больше, что органическая жизнь въ провинціяхъ, а особенно освобожденіе мѣстнаго самоуправленія отъ путъ бюрократіи и буйствъ полиціи — не мыслимы безъ гарантій самоуправленія государственнаго. Въ распространеніи и энергическомъ заявленіи этой притязательности со стороны земцевъ и лежитъ все спасеніе Россіи и, между прочимъ, отъ него зависитъ и сбереженіе силъ молодежи, естественно впечатлительной къ социально-революционному движению, отъ преждевременной растраты, а равно и утилизированіе въ свое время этихъ силъ и горячихъ стремленій молодежи къ народному благу. Чѣмъ болѣе настойчивой притязательности противъ самодержавія обнаружатъ наши земцы, тѣмъ болѣе сдержанности и умѣренности обнаружатъ радикально и революционно настроенная молодежь и тѣмъ болѣе она будетъ спасена отъ лапъ полиціи, а также отъ притязательности заговорщиковъ по профессіи, которые неизбежно должны появляться во всякихъ обществахъ, гдѣ политическая борьба затягивается на долгое время и ведется подпольнымъ образомъ, и которые неизбежно усваиваютъ себѣ привычки врага, съ которымъ борются, и въ томъ числѣ и его презрѣніе къ стоимости и количеству жертвъ этой борьбы. Русское же правительство въ настоящее время точно подрядилось, какъ породить такихъ заговорщиковъ, такъ и доставить имъ матеріалъ для орудованія въ лицѣ тысячъ молодыхъ людей, обращаемыхъ имъ въ касту исключенныхъ и „незаконныхъ“. Вопросъ объ этомъ матеріалѣ, — который берется изъ самыхъ восприимчивыхъ ко всему доброму молодыхъ людей, возможныхъ лучшихъ слугъ народа и страны, — становится все болѣе жгучимъ, хоть бы, напр., въ виду исключенія въ послѣдніе мѣсяцы нѣсколькихъ сотенъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и въ виду многочисленныхъ арестовъ, о которыхъ доходятъ до насъ вѣсти изъ всѣхъ большихъ и даже многихъ малыхъ городовъ сѣвера и юга Россіи.

Неужели этотъ вопросъ, — вопросъ дѣтей и будущаго страны, забудутъ представители сословій, земствъ и городовъ — въ чаду коронаціонныхъ празднествъ?!

КІЕВСКІЕ ПРОСВѢТИТЕЛИ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Есть въ кіевскомъ университетѣ ветеранъ профессоръ римскаго права г. Митюковъ. Давно одной дошедшей до насъ гектографической рѣчи подсудимаго (которой мы пока не печатаемъ, ожидая другихъ), — нѣкоторые подсудимые послѣдняго петербургскаго процесса. Уступки это объясняются, какъ личными условіями и настроеніемъ каждаго изъ подсудимыхъ, такъ, можетъ быть, исходятъ изъ эмпирическаго народничества, изъ расчета подойти къ настроенію минуты даже въ правительственныхъ кругахъ и склонить и дѣлать работу все же на пользу народа. Но какъ бы то ни было, а всѣ эти колебанія и тонкіе расчеты воображаемыхъ представителей и вожаковъ «партіи» не имѣютъ большаго значенія относительно массы затронутыхъ движениемъ лицъ, которая въ настоящее время по вопросу объ ограниченіи самодержавія является уже немиримой.

уже отслужилъ онъ срокъ своей службы, давно уже продолжаютъ выбирать его на нѣсколько пятилѣтій послѣ прослуженнаго срока. Выбирали его дѣльцы профессора, ибо г. Митюковъ до послѣдняго времени состоялъ управляющимъ обществомъ взаимнаго кредита (и какое отношеніе римскаго права къ банку?), а дѣльцы профессора слишкомъ близки къ этому обществу по своимъ геополитическимъ интересамъ. Да и бѣлый шаръ г. Митюкова нуженъ былъ дѣльцамъ на всякій случай. Но вотъ съ 1881 года г. Митюковъ оказался полной развалиной, удалился не только отъ банковскаго дѣла, но и пересталъ читать лекціи въ университетѣ, для конхъ приглашенъ доцентъ Казанцевъ. По просту говоря, г. Митюковъ впалъ въ полное слабоуміе, не можетъ не только мыслить, но и свободно ворочать языкомъ, состоитъ теперь на безнадежномъ излеченіи у доктора Подръзана и пныхъ. Тѣмъ не менѣе впаившій въ слабоуміе г. Митюковъ не только получаетъ жалованіе ординарнаго профессора, но и раздѣльную плату за слушаніе лекцій. Такъ и продолжалось цѣлые полтора года, въ продолженіи которыхъ г. Митюковъ лежалъ въ кровати и не былъ ни на одной лекціи. Въ добавокъ къ этому дѣльцы псходатайствовали еще заграничную поѣздку для г. Митюкова; въ поѣздку однако г. Митюковъ не отправился, а деньги взялъ.

По этому поводу поднялся въ совѣтѣ вопросъ, и профессоръ Хандриковъ вошелъ съ особымъ мнѣніемъ. Дѣльцы законопились. Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ одномъ изъ совѣтскихъ засѣданій прочитано было особое мнѣніе г. Хандрикова. Изложившій въ откровенной формѣ всю исторію съ г. Митюковымъ, проф. Хандриковъ высказалъ мнѣніе, что не мѣшало бы совѣту рѣшить нарядить комиссію для освидѣтельствованія умственныхъ способностей г. Митюкова. Скандалъ вышелъ полный. Буря, шумъ, гамъ. Когда исмногого возстановленъ былъ порядокъ, тогда встаетъ г. Шефферъ и проситъ прочитатъ и его отдѣльное мнѣніе. Ректоръ Ренненкампфъ, какъ будто ничего не зная, говоритъ г. Шефферу, что онъ не можетъ допустить чтенія особаго мнѣнія, не представленнаго ректору по крайней мѣрѣ за три дня до совѣта. Впрочемъ, говоритъ г. Ренненкампфъ, университетскій уставъ разрѣшаетъ ректору предложить подобный вопросъ на баллотировку и, если большинство совѣта рѣшитъ читать несмотрѣнное отдѣльное мнѣніе, то оно можетъ быть прочитано. Совѣтъ рѣшаетъ, конечно, большинствомъ голосовъ читать отдѣльное мнѣніе г. Шеффера. Тогда г. Шефферъ вынимаетъ изъ кармана писанный листъ бумаги и начинаетъ читать. «Я до сихъ поръ не зналъ, что въ совѣтѣ можно предлагать свидѣтельствовать умственные способности профессоровъ. Изъ особаго мнѣнія г. Хандрикова я узналъ, что это можно сдѣлать. Въ силу этого, я предлагаю освидѣтельствовать умственные способности проф. Хандрикова, ибо я давно замѣчаю уже, что онъ давно функционируетъ у него ненормально. Вотъ, напр., недавно проф. Хандриковъ напалъ кровельщика для починки крыши обсерваторіи. Разсердившись за что-то на кровельщика, пр. Хандриковъ принялъ лѣстницу и продержалъ кровельщика четыре часа на морозѣ». Г. Хандриковъ взбѣлся, всѣ соскочили

съ мѣстъ. Г. Ренненкампфъ началъ звонить и кричать на г. Шеффера: «какъ вы смѣете читать такіе дерзкіе рѣчи! Я по праву председателя воспреещаю вамъ дальѣйшее чтеніе». «Такъ вы воспрещаете? Я повинуюсь и не продолжаю чтенія, но вся сущность моего особаго мнѣнія заключается въ томъ, что я успѣлъ высказать». Не правда-ли, правъ?

Относительно г. Митюкова скажемъ еще слѣдующее. Этотъ мужъ до сихъ поръ не намечалъ ни одной, кажется, строки. Когда начали подниматься въ совѣтѣ вопросы о г. Митюковѣ — его клеветы достали литографическія записочки г. Митюкова и начали печатать ихъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». Напечатать, конечно, сотни полторы страницъ и потомъ при новой баллотировкѣ выставить эти записочки за талантливый научный трудъ. Только, кажется, г. Митюковъ не доживетъ уже до новой баллотировки. Больно старъ и безнадеженъ....

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦІИ «КОЛОКОЛА».

VI. Письма Ч. къ А. И. Герцену.

Предварительная замѣтка. Помѣщаемыя дальнѣе письма Ч. проливаютъ свѣтъ на печатный турниръ, какой произошелъ на страницахъ «Колокола» въ концѣ 1858 и началѣ 1859 г. и какой въ свое время вызвалъ тѣмъ болѣе волненіе въ образованныхъ кругахъ Россіи, что въ данномъ случаѣ противъ всесильнаго тогда въ этихъ кругахъ авторитета Герцена выступилъ не реакціонеръ, а тоже прогрессистъ и человекъ извѣстный въ литературѣ. Изъ слѣдующихъ дальнѣе писемъ обнаруживается яснѣе, чѣмъ изъ печатной полемики, и поводъ къ полемикѣ, и пункты разногласія и, что особенно интересно, пункты тогдашняго согласія между противниками. Къ тому же вопросы, затронутые полемикой, не потеряли своего практическаго значенія и до сихъ поръ. Такъ какъ «Колоколъ» теперь большая рѣдкость, то мы считаемъ нужнымъ предпослать помѣщаемымъ дальнѣе письмамъ выдержки изъ печатной полемики Г — на съ Ч.

Въ 27 № «Колокола» (1 Ноября 1858 г.) появилась замѣтка, которая могла нѣсколько удивить зауряднаго читателя, но которой, какъ теперь видимъ, предшествовали словесные споры съ авторомъ печат. ниже писемъ представлявшимъ, очевидно, цѣлую фракцію въ тогдашней русск. интеллигенціи. Вотъ почти вся эта замѣтка:

«Нашъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

«Нашъ упрекаютъ свирѣпо красные демократы въ томъ, что мы мнѣмъ Александръ II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что нибудь хорошее, и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

«Нашъ упрекаютъ Славянофилы въ западномъ извращеніи.

«Нашъ упрекаютъ Западники въ славянофильствѣ.

«Нашъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и мяткости, оттого что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ сохъмъ напропастъ — на жаръ.

«На сей разъ только нѣсколько словъ въ отбѣтъ послѣднему упреку.

«Онъ вызвалъ двумя или тремя признаніями, что мы ош и бл и с, что мы были увлечены; не станемъ оправдываться тѣмъ, что мы ошибались и увлекались со всей Россіей, мы не отко-

ишемъ ответственности, которую добровольно взяли на себя. Мы должны быть последовательны; единство необходимо условие всякой пропаганды; съ насъ въ правъ его требовать. Но принимая долю вины на себя, мы хотимъ ее раздѣлить съ другими виновниками.

«Ити по одной линіи хорошо, когда имѣешь дѣло съ сѣрымъ порядкомъ дѣла, съ последовательнымъ образомъ дѣйствія, — что труднаго взять рѣзкое положеніе относительно англійскаго правительства или французскаго императорства? Трудно ли было быть последовательнымъ во время прошлаго царствованія?»

«Но мы этого единства не находимъ въ дѣйствіяхъ Александра II; онъ, то плясаетъ освободителемъ крестьянъ, реформаторомъ, то заступаетъ за николаевскую постройку и грозитъ растоптать два всходящіе ростки»....

«Шаткѣ съ въ правительствѣ отразилась въ нашихъ статьяхъ. Мы, слѣдуя за шатъ, терялись и, откровенно досадуя на себя, не скрывали этого. Въ этомъ была своего рода связь, между нами и нашими читателями. Мы не вели, а шли вмѣстѣ; мы не учили, а служили отголоскомъ думъ и мыслей, умалчиваемыхъ дома. Ринутые въ современное движеніе Россіи, мы носимся съ нимъ по перемѣнному вѣтру, дующему съ Невы.

«Конечно, тотъ, кто, останавливая надежду и страхъ, молча выжидаетъ результата, тотъ не ошибся. Надгробное слово — исторія, гораздо болѣе предохранено отъ промаховъ, нежели всякое участіе въ совершающихся событіяхъ.

«Доктринеры на французскій манеръ и гелертеры на нѣмецкій, люди произвольные слѣдствія, составляющіе описи, приводящіе въ порядокъ, твердые въ положительной религіи или религіозные въ положительной наукѣ, люди обдуманные, точные! — доживаютъ до старости лѣтъ, не сбиваясь съ дороги и не сдѣлавъ ни ореограническихъ, ни иныхъ ошибокъ; а люди, брошенные въ борьбу, исходящіе страстной вѣрой и страстными сомнѣніемъ, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро, падаютъ въ крайность, увлекаются и мрутъ на полдорогѣ, — много разъ споткнувшись.

«Не имѣя ни исключительной системы, ни духа партіи — все отталкивающего, — мы имѣемъ избытокъ основы, страстныхъ сочувствій, проводившія насъ — отъ ребячества до сѣдыхъ волосъ, въ нихъ у насъ нѣтъ легкомыслія, нѣтъ колебанія, нѣтъ уступокъ! Остальное намъ кажется второстепеннымъ; средства осуществленія бесконечно различны, которое изберется... въ этомъ поэтическій капризъ исторіи, — мѣшать ему неучтиво.

«Освобожденіе крестьянъ съ землею — одинъ изъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ для Россіи и для насъ. Будетъ ли это освобожденіе «сверху или снизу» — мы будемъ за него! Освободятъ-ли ихъ крестьянскіе комитеты, составленные изъ заклятыхъ враговъ освобожденія — мы благословимъ ихъ искренно и отъ души. Освободятъ-ли себя крестьяне отъ комитетовъ во-первыхъ, а потомъ отъ всѣхъ избирателей въ комитеты — мы первые поздравимъ ихъ братьевъ и также отъ души. Прикажутъ-ли, наконецъ, государь отобрать имѣнія у крамольной аристократіи, а ее выслать — ну, хоть куда-нибудь на Амуръ къ Муравьеву — мы столько-же отъ души скажемъ: «Быть по сему».

«Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы рекомендуемъ эти средства, что нѣтъ другихъ, что это лучшія, совсѣмъ нѣтъ, — наши читатели знаютъ, какъ мы думаемъ объ этомъ.

«Но такъ какъ главное дѣло въ томъ, чтобы крестьяне были освобождены съ землею, то изъ за средствъ спора не поднимаетъ.

При такомъ отсутствіи обязательной доктрины, предоставляя, такъ сказать, самой природѣ дѣйствовать, и сочувствуя каждому шагу, согласному съ нашимъ воззрѣніемъ, мы можемъ часто ошибаться, всегда будемъ очень рады, когда «ученые друзья наши» — спокойно сидѣли въ сторожкахъ на берегу, прокричавъ намъ «правдѣ или лѣтѣ» держаться; но мы желали бы, чтобы и они не забывали, что имъ легче дѣлать наблюденія надъ силой волнъ и слабостью плывцовъ, нежели намъ плыть... и при томъ такъ далеко отъ берега.

«Изъ за сѣнъ доктрины, какъ изъ за монастырскихъ стѣнъ сполугорыя смотрѣть на тревоженіе мірское. Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... не увлекаютъ другихъ».

Въ 29 № «Колокола» появилось письмо Ч., вызванное этой зачѣткой, — посланное въ «Колоколъ» при 2-мъ изъ дальнѣ идущихъ частныхъ писемъ. Письмо это Г — пѣ напечатать, озаглавивъ его «Обвинительный актъ», и съ предисловіемъ, въ которомъ говоритъ между прочимъ:

«Обвинительное письмо» — печатаемое нами сегодня, существенно отличается отъ прошлыхъ писемъ противъ «Колокола»...

«Тѣ были писаны съ нашей стороны, оттого въ самыхъ несогласіяхъ и упрекахъ было сочувствіе. Это письмо писано съ совершенно противоположной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія административнаго прогресса, губернистальнаго доктринаризма. Мы ее никогда не принимали, что же удивительнаго, что мы не ее путями шли. Мы не представляли себя никогда ни правительственнымъ авторитетомъ, ни государственными людьми. Мы хотѣли быть протестомъ Россіи, ея крикомъ освобожденія и крикомъ боли, мы хотѣли быть обвинителями злодѣевъ, останавливающихъ успѣхъ, грабщихъ народъ...»

На письмо Ч. слѣдовалъ въ № 32—33 «Колокола» (1 Янв. 1859 г.) отвѣтъ одного извѣстнаго писателя, скрывшаго свое имя за подписью Русской, котораго имѣть въ виду Ч. въ своемъ четвертомъ письмѣ, къ коему онъ прилагаетъ коллективное письмо къ Русскому; въ томъ же №-рѣ помѣщено и письмо А. Спаранскаго въ защиту Ч.

Изъ этой печатной полемики и до сихъ поръ интересно особенно письмо Ч., — который говоритъ между прочимъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, положеніе наше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ въ Россіи, послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія рушилась сама собою. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ идти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ одни не въ состояніи упрочить государственное благоустройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, ни въ обществѣ не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ будто ослѣплымъ, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь однакоже къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ и готовое подъ часть принять благообразно высказанное мнѣніе... Съ другой стороны народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лекарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Кака я почва для политическаго писателя — правительство, ищущее опоры; народъ, жаждущій гласности!... Въ нашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; вы сила, вы власть въ русскомъ государствѣ.

«Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пишу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?»

«Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете это на показъ, и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ. Вы человекъ брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстными сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ и негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это ваши собственные слова. Но неужели это требуется для политической дѣятельности? Я полагаю, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагаю, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагѣ, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе, что, впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необуданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общест-

венныхъ дѣлахъ прежде всего требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разные стороны, а разумъ познающій и созидаящій.

«Или вы думаете, что гражданскія преобразованія совершаются самою страстью, кишѣниемъ гнѣва?»

«Впрочемъ я забываю, что вы къ гражданскимъ преобразованіямъ довольно равнодушны. Гражданственность, просвѣщеніе не представляются вамъ драгоценнымъ растеніемъ, которое надо заботливо насаждать и терпѣливо дѣлать, какъ лучший даръ общественной жизни. Пусть же это унесется въ роковой борьбѣ, пусть вмѣсто уваженія къ праву и къ закону водворится привычка хвататься за топоръ, — вы объ этомъ мало тревожитесь. Вамъ во что бы ни стало нужна цѣль, а какою путемъ она достигнется — безумнымъ и кровавымъ или мирнымъ и гражданскимъ, это для васъ вопросъ второстепенный. Чѣмъ бы дѣло ни развязалось — невообразимымъ актомъ самаго дикаго деспотизма, или свирѣпымъ разгуломъ толпы, — вы все подпишете, вы все благословите. Вы не только подпишете, вы считаете даже неприличнымъ отращать подобный исходъ. Въ вашихъ глазахъ это поэтическій капризъ исторіи, которому мѣшать неучтиво. Поэтическій капризъ исторіи! Скажите пожалуйста, когда вы писали эти слова, какъ вы на себя смотрѣли: какъ на политическаго дѣятеля, направляющаго общество по разумному пути, или какъ на артиста, наблюдающаго случайную игру событий?»

«Политическій дѣятель имѣетъ въ виду не только цѣль, но и средства... То, что вы называете поэтическимъ капризомъ исторіи, дѣйствіемъ самой природы, есть дѣло рукъ человѣческихъ. Сама природа здѣсь вы, я, третій, всѣ, кто приносятъ свою лепту на общее дѣло. И на каждомъ изъ насъ, на самыхъ незамѣтныхъ дѣятеляхъ лежитъ священная обязанность беречь свое гражданское достоинствѣ, успокоивать бунтующія страсти, отращать кровавую развязку. Такъ ли вы поступаете... Вы открываете страницю своего журнала безумнымъ воззваніемъ къ дикой силѣ; вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной проіей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать неучтиво... О, съ этой стороны вы встрѣтите въ Россіи много сочувствія. Спросите у самаго тупаго и законсблага врага просвѣщенія, военнаго или штатскаго, но въ особенности военнаго, который вслѣдъ за другими кричитъ противъ взятокъ и злоупотребленій, спросите его какое отъ нихъ лекарство? У него одинъ отвѣтъ: палка! Топоръ еще не въ такомъ ходу; мы къ нему не такъ привыкли, но судя по письму, которое вы напечатали въ Колоколѣ, и это средство начинаетъ приобретать популярность. Нѣтъ, всякій, кому дорога гражданская жизнь, кто желаетъ спокойствія и счастья своему отечеству, будетъ всѣми силами бороться съ такими внушеніями и пока у насъ есть дыханіе въ тѣлѣ, пока есть голосъ въ груди, мы будемъ проклинать и эти орудія, и эти воззванія».

При всѣхъ снмнатіяхъ къ изданію «Колокола», нельзя не сказать, что до сихъ поръ двѣ трети замѣчаній его противника вѣрны. Да, — «гражданскія преобразованія совершаются не одною страстію; — и политическій дѣятель (а такимъ можетъ быть и писатель, — а не одинъ только государственные люди, и такимъ долженъ быть политическій писатель) имѣетъ, т. е. долженъ имѣть въ виду не только цѣль, но и средства! Правъ Ч. и далѣе, когда говоритъ, что «въ политическомъ журналѣ влеченія страсти должны замѣняться зрѣлостью мысли и разумнымъ самообладаніемъ», и не можетъ быть, чтобы, особенно при талантѣ, каковъ былъ у Герцена, да при искренности, которая можетъ быть и у малыхъ талантовъ, — такой журналъ ужъ вовсе не увлекалъ другихъ!»

Но вторая половина письма Ч. въ «Колоколѣ» показываетъ, къ сожалѣнію, что Гер-

ценъ былъ правъ, усмотрѣвъ въ своемъ противникѣ доктринера административнаго прогресса, — каковой доктринеръ самъ тѣмъ болѣе далекъ отъ идеала политическаго дѣятеля, что при политико-административномъ строѣ Россіи нѣтъ никакихъ гарантій, что администрація можетъ быть хоть сколько нибудь прогрессивна и просвѣщенна. А между тѣмъ Ч. совѣтовалъ Г—ну даже не сообразоваться, а поддѣлываться къ этой администраціи. «Умѣренной осторожностью, разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ, — учитъ Герцена Ч., — вы могли внушить къ себѣ довѣріе», — не общества, — а «правительства», которое «въ настоящее время вы только пугаете», — и даже доходить до того, — что говорить основательно свободнаго русскаго станка: «у насъ общество должно купить себѣ право (??!) на свободу разумнымъ самообладаніемъ, а вы къ чему его приучаете?» И послѣ этого Ч. имѣлъ духъ сказать: «намъ нужно независимое общественное мнѣніе, это едва ли не первая наша потребность».

Ставивъ на такую точку зрѣнія, что общество наше должно еще покупать себѣ право на свободу, да еще у правительства, о которомъ Самаринъ сказалъ вполнѣ вѣрно, что совѣсти ему по штату не полагается, и въ которомъ, по слову г. И. Аксакова, «бѣдный» глава государства могъ принимать мѣры — «съ дуру», — Ч. и его единомышленники стали на наклонную плоскость, которая повела ихъ именно на сторону палки и водворяемаго ею безмолвія во внутренней печати, вмѣсто того, чтобы послѣдовать совѣту Г—на и основать свое свободное слово за-границей, хотя бы для одного того, чтобы отыскать его монополію отъ Г—на, которымъ гг. Ч. были такъ недовольны.

Палка, — или иначе правительство Александра II, испугавшееся, какъ мы видѣли по матеріаламъ, напечатаннымъ въ предыдущихъ №-ахъ «В. Слова», даже того, что само сдѣлало въ 1861 г., — эта палка, поддерживаемая, между прочимъ, и гг. Ч—ми, «либералами» (см. 3-е письмо), изъ страха передъ одною возможностью появленія на сцену тонера, который, впрочемъ, скромно остался въ мужицкихъ дворахъ, — оказалась вовсе не снисходительною къ «гражданственности и просвѣщенію», а равно и законности. Если «радикалы», отъ которыхъ откровенно отдѣляется себя либераль Ч. (см. 3-е письмо) и вили на себя немного грѣха тѣмъ, что готовы были пожертвовать, — временно, конечно, — гражданственностью и просвѣщеніемъ, въ пользу тонера или палки, лишь бы кто нибудь изъ этихъ освободилъ крестьянъ съ землей, — (въ дѣйствительности случилось, вмѣсто тонера или высылки крамольной арестократіи на Амуръ къ Муравьеву на мѣсто Бакунина, который такъ бы былъ тому радъ, что царь позволялъ крамольнымъ барамъ-чиновникамъ неказнить даже то Положеніе о кр., которое вышло изъ рукъ ред. коммисіи), — то либералы, въ родѣ Ч., на самомъ дѣлѣ пожертвовали многимъ изъ основъ гражданственности въ пользу палки и фактически измѣнили тому знамени, которое Ч. признавалъ въ 3-мъ печатаемомъ далѣе письмѣ общими ему съ радикалами: «свобода крестьянъ съ землею (конечно, не по Гагаринскому рецензу), свобода совѣсти, свобода отъ цензу-

ры, всеобщая гласность, независимость общественного мнѣнія, гарантіи личности и т. д.».

Во всякомъ случаѣ всѣ эти прекрасныя слова остаются въ Россіи до сихъ поръ словами. Палка гуляетъ надъ ними теперь даже болѣе нагло, чѣмъ когда нибудь.

Гг. Ч. если они не забыли еще знамени съ этими словами, — если бы они даже были правы, говоря, что радикалы плохо владѣли этимъ знаменемъ и допустили его упасть передъ палкой, — могли бы еще и теперь сами поднять это знамя. Сдѣлать это никогда не поздно, — а теперь это было бы особенно умѣстно, въ виду того, что палка, конечно, появится въ видѣ священныхъ регалій въ коронаціонномъ торжествѣ въ Москвѣ, гдѣ, конечно, будетъ немало «либераловъ» арміи г. Ч.

М. Д.

1) Парижъ 11 Октября (1858)

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ.

Я обѣщалъ увѣдомить васъ на счетъ послышки. Теперь я переслать ничего не могу, но какъ скоро откроется случай, такъ дамъ вамъ знать. Жаль, что мнѣ не пришлось въ голову адресоваться къ вамъ прямо изъ Остенде. Тамъ была отличная окказія, какой не скоро дождешься. Впрочемъ, приготовьте; можетъ статься, что случай откроется неожиданно.

Что скажете вы о рѣчахъ государя? Отлично*). Вамъ придется опять принести покаяніе, а частыя покаянія очень вредны. Вы видите, что вопросъ преслѣдуется съ такою твердостью, какой даже нельзя было ожидать, а вы еще недавно провозглашали, что онъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ. Говорю вамъ отъ искренняго участія: не будьте истеричливы и, сохраняя полную самостоятельность въ выраженіи мнѣній, умѣйте тонъ, иногда слишкомъ запальчивый. Мнѣ кажется, это будетъ къ лучшему. Серьезный журналъ долженъ прежде всего стараться избѣжать упрека въ легкомысліи. А какое дѣйствіе должна произвести въ Россіи гласность, данная рѣчамъ? Щелчекъ Москвѣ и московскому дворянству, о которомъ трубить по всему міру — да это дѣло неслыханное**) Это несравненно больше, чѣмъ самыя извѣстныя нападки.

Скажу вамъ еще, что какъ только я вступилъ на французскую почву, я былъ пораженъ паружностью работниковъ, и въ Парижѣ всякій день ими люблюсь. Я нигдѣ такихъ работниковъ не видалъ. Они ходятъ гордо и смѣло; здѣсь на улицахъ блуза мѣшается съ чернымъ скруткомъ, какъ равная, и если взглянешь на умныя и энергическія выраженія этихъ лицъ, то невольно подозреваешь въ нихъ настоящихъ или по крайней мѣрѣ будущихъ влѣстителей страны. Когда я сравниваю ихъ съ тѣми типами, которые встрѣчаются въ Лондонѣ, то еще менѣе понимаю васъ и другихъ, которые говорятъ о

*) Къ дворянамъ о крестьянскомъ вопросѣ во время поѣздки по Россіи. М. Д.

**) Александръ II заявилъ моск. дворянству свое неудовольствіе по поводу замедленія его отвѣта на рескрипты, которые поставили официально вопросъ объ «улучшеніи быта крестьянъ». Медленность эту поощрялъ ген.-губ. Закревскій, который и послѣ «щелчка» остался на мѣстѣ. М. Д.

паденіи Франціи и превозносятъ Англію. Страна, въ которой есть такой народъ, не близка къ паденію.

Прощайте, жму вамъ руку и кланяюсь Огареву.

2) Парижъ 11 Ноября.

Вы бросили перчатку, я долженъ ее принять, высказать вамъ все напрямикъ. Вотъ вамъ статья, которую прошу васъ при первой возможности напечатать въ «Колоколѣ». Я подписалъ ее начальной буквой своей фамиліи и хотѣлъ даже выставить полное имя, но мнѣ отсовѣтовали: говорятъ, что въ напемъ миломъ обществѣ всякій актъ рѣшимости будетъ перетолкованъ чортъ знаетъ въ какую сторону. Пусть такъ! а мнѣ, признаюсь, хотѣлось заявить публично, что по крайней мѣрѣ часть русской литературы не сочувствуетъ вашему направленію. Насъ раздѣляетъ, какъ я сказалъ въ статьѣ, вещь, которая, можетъ быть, важнѣе всѣхъ прочихъ: политическій темпераментъ. Я объ этомъ догадывался съ самаго начала, а теперь совершенно въ этомъ убѣдился.

Можетъ быть напечатаніе этого письма будетъ вамъ не совсѣмъ пріятно, но что же дѣлать? Noblesse oblige. Я бы къ вамъ и не обратился, еслибы у насъ былъ другой органъ. Вы поймете, что я долженъ былъ всею силою выступить противъ направленія, которое я во многихъ отношеніяхъ считаю вреднымъ. Притомъ же въ своей статьѣ съ такимъ презрѣніемъ отозвался объ насъ грѣшныхъ, что вы, надѣюсь, въ свою очередь, не будете сердиться за рѣзкость моихъ выраженій. Могу васъ увѣрить, что лично мое уваженіе къ вамъ остается неприкосновеннымъ; мнѣ было бы очень больно, если бы политическая полемика повела къ личному неудовольствію. Поэтому я желаю бы, кромѣ печатнаго отвѣта, который, вѣроятно, не замедлитъ, получить отъ васъ слова два письменно съ извѣщеніемъ, что статья до васъ дошла.

3) Ницца 30 Ноября.

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, вчера только я пріѣхалъ въ Ниццу и получилъ Ваше письмо. Между нами вышло одно недоразумѣніе, которое я не могу не отстранить. Я никогда не сомнѣвался, что вы помѣстите статью: то, что я писалъ къ Вамъ по этому поводу, относится не къ Вамъ, а ко мнѣ. Мнѣ непріятно было послать къ Вамъ статью, направленную противъ васъ, и по этому только я охотно помѣстилъ бы ее въ другомъ журналѣ, если бы онъ существовалъ. Вы же, я увѣренъ, напечатаете все. Созалѣю также о словѣ «пуфъ», которое Васъ оскорбило. Опять же оно относится не къ Вамъ. Я хотѣлъ сказать, что сочиняются они въ Россіи, а до Васъ только доходитъ, а вы не имѣете возможности ихъ проверить. Другого я не разумѣлъ и не думалъ, чтобы это можно было иначе понять. Если, нечаянія, лнсть 1 Декабря опоздаетъ, прошу Васъ убѣдительно замѣнить это несчастное и неудачное слово выраженіемъ: «долѣтельная до васъ сидения, которую вы, разумѣется, не имѣли возможности проверить». Что же касается до тона всей статьи, то могу сказать Вамъ только одно: перечтите хладнокровно свою собственную статейку и, положивъ руку

на сердце, скажите: могъ ли я отвѣчать иначе? Я опять увѣренъ, что вы скажете: нѣтъ. Признаюсь, я даже нѣсколько былъ удивленъ. Васъ упрекали въ разговорахъ, о которыхъ читатели судить не могутъ. Какое же право имѣли вы называть насъ публично людьми, годными только для составленія описей и т. п.? Но я не стану объ этомъ говорить; оно уже понятно, что вина не на моей сторонѣ.

Наконецъ, въ заключеніе вы правы: мы офицеры, стоящіе въ различныхъ арміяхъ. Только вотъ что знать любопытно: зная у обѣихъ армій одно: свобода, цѣль одна — освобожденіе крестьянъ съ землею, свобода совѣсти, свобода отъ цензуры, всеобщая гласность, независимость общественнаго мнѣнія, гарантіи личности и т. д. Стало быть, почва, на которой мы стоимъ, одна, а между тѣмъ мы глубоко раздѣлены и раздѣлены тактикой. Каждая армія считаетъ маневры другой вредными для общаго дѣла. Тутъ что нибудь да не такъ, а въ чемъ дѣло — это окажется, вѣроятно, впоследствии. Можетъ быть тутъ открывается различіе между либерализмомъ и радикализмомъ, можетъ быть, и что нибудь другое. Во всякомъ случаѣ это явленіе грустное. При шаткости нашего правительства, общественное мнѣніе, разумное, стойкое, единое, могло бы получить странное вліяніе. А мы къ несчастію все тянемъ врозь. На каждомъ шагѣ повторяется то, въ чемъ я давно убѣжденъ: у насъ общество не пригодно къ дѣйствию. Во многихъ отношеніяхъ оно даже хуже правительства; а потому мы не въ правѣ слишкомъ сильно нападать на правительство. Надобно сначала выпутъ бревно изъ собственнаго глаза, надобно научиться дѣйствовать самими, а не требовать всего отъ другихъ.

Прощайте, крѣпко жму вамъ руку, вы поймете, надѣюсь, что я дѣлаю это отъ искреннаго сердца и не отнимете своей.

4) Ницца 13 25 Февраля 59.

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, посылаю Вамъ полученное мною письмо или, лучше сказать, строгій выговоръ за письмо мое въ «Колоколъ». Вы найдете здѣсь имена людей, которые хотѣли выразить Вамъ свое участіе, которыхъ сочувствіемъ Вы, безъ сомнѣнія, дорожите. Жалѣю объ одномъ: что совѣсть запрещаетъ мнѣ подписаться подъ этотъ документъ. Если бы письмо, напечатанное въ «К.» было выраженіемъ только личнаго моего мнѣнія, то я охотно призналъ бы себя неправымъ и созналъ бы свою ошибку. Но я получилъ столько же, если не больше, отзывовъ одобрительныхъ отъ людей, которыхъ я уважаю. Мнѣ пишутъ, что и въ Россіи проносятся объ этомъ споры и многіе раздѣляются на двѣ стороны. Что же это значитъ? Отчасти я думаю, что это выраженіе двухъ направленій и считаю полезнымъ все, что способствуетъ выясненію мысли. Но съ другой стороны у насъ мнѣніи еще до такой степени шатки, у насъ такое отсутствіе политической мысли, что разногласіе можетъ быть также произведеніемъ чисто случайныхъ впечатлѣній. Издали этого не разберешь; надобно быть на мѣстѣ, чтобы что нибудь разсмотрѣть въ этой путаницѣ. Вообще Россія — хаосъ, теперь болѣе, нежели когда либо. Ваше дѣло — взвѣсить

различные отзывы и вывести изъ нихъ для себя руководящую нить. Я выставилъ Вамъ одну сторону, — правда, весьма недостаточную; можетъ быть, когда нибудь придется высказать свое воззрѣніе полнѣе и отчетливѣе. Теперь у васъ передъ глазами другая сторона. Выберите, какъ знаете; въ этомъ одна ваша совѣсть можетъ дать вамъ благой совѣтъ. Желаю только, чтобы онъ послужилъ къ пользѣ Россіи. Жму крѣпко Вамъ руку. Кланяюсь Огареву.

Приведу примѣръ, до какой степени у насъ направленія неопредѣленны. Мельгуновъ писалъ Вамъ, что я — авторъ письма въ первой книжкѣ Голосовъ изъ Россіи. Объ этомъ мы съ Вами переговоримъ при свиданіи. Надобно знать исторію этого письма, чтобы извинить то, что могло показаться Вамъ въ немъ оскорбительнымъ. Теперь же скажу Вамъ только одно: половину письма писалъ NN (Русской) и я воздерживалъ слѣпкомъ вѣрнопопдавическія его изліянія. Вотъ и судите!

Прошу васъ также возвратить мнѣ письмо при будущемъ свиданіи. Это историческій документъ, который я буду хранить, ибо онъ адресованъ ко мнѣ. Вамъ же, безъ сомнѣнія, будетъ пріятно оставить у себя копию.

Вотъ копія письма, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь:

М. Г. N. N. Позвольте выразить Вамъ наше полное сочувствіе къ Вашему письму, написанному въ отвѣтъ письму Г—на Ч., помѣщенному въ 29 №-рѣ «Колокола».

Подписано семью извѣстными именами, изъ которыхъ первое принадлежит покойному пр. И. Бабету.

Письмами Ч. мы охватываемъ извѣстный цѣльный кругъ выдержекъ изъ бумагъ редакціи «Колокола», принадлежащей ко времени пробужденія русскаго общества въ эпоху крестьянской реформы. Дальнѣйшія, — по нашему мнѣнію, не менѣе интересныя, бумаги относятся къ позднѣйшимъ временамъ: польскаго возстанія 1862—1864 гг. и усилія реакціи, — плановъ Герцена и Огарева, съ одной стороны, и Бакунина, съ другой, относительно продолженія оппозиціонной и революціонной агитаціи, — опытовъ послѣдней агитаціи Бакунина съ Нечаевымъ и отдѣльно и т. п. Но печатаніе этихъ бумагъ, равно, какъ и полное изданіе писемъ къ Герцену извѣстныхъ дѣятелей 30—40-хъ годовъ (Полскаго, Бѣлинскаго, Грановскаго и др.) мы принуждены отложить на нѣкоторое время.

Пока, въ напечатанныхъ у насъ письмахъ читатель видѣлъ цѣлый рядъ типовъ изъ міра русскаго общественнаго движенія 1857—1861 гг.: деспота-радикала и радикала съ надеждами на деспотизмъ, либеральныхъ: чиновниковъ, писателей-западниковъ и славянофиловъ, наконецъ, умѣренного либерала съ надеждами на администрацію. При всѣхъ различіяхъ, почти всѣмъ этимъ типамъ были тогда общи желанія не только послѣдовательности и законности во внутренней политикѣ, но и идеи о свободѣ, но крайней мѣрѣ личной, съ ея проявленіями въ свободѣ совѣсти, слова и т. п. Всѣ эти желанія остались неисполненными, конечно, благодаря — самодержав-

вію. Понимаютъ ли это теперь представители всѣхъ упомянутыхъ типовъ, если не тѣ самыя личности, отъ которыхъ исходили напечатанные у насъ документы? М. Д.

С. И. БАРДИНА *).

Въ ночь съ 25 на 26 апрѣля въ женевской больницѣ, послѣ мучительной двѣнадцатидневной агоніи, умерла Софія Илларионовна Бардина отъ раны, нанесенной самой собою выстрѣломъ изъ револьвера. Въ воскресенье, 29 апрѣля, она была похоронена товарищами.

Немногочисленны и коротки были рѣчи, произнесенныя на ея могилѣ: бывають минуты такой нравственной подавленности, такой глубокой тоски, когда рѣчи не идутъ на умъ, когда слово стынетъ на устахъ, прячется куда-то въ глубь души, точно стыдился своей жалкой блѣдности...

Шесть лѣтъ, шесть лучшихъ лѣтъ жизни провела она въ тюрьмѣ и сибирской ссылкѣ, еще болѣе ужасной, чѣмъ тюрьма. И когда мы привыкли уже считать ее заживо погребенною, подобно сотнямъ другихъ нашихъ мучениковъ, — когда мы думали уже, что у насъ осталось только ея имя, громкое, прославленное имя, котораго не могли изгладить изъ памяти всей мыслящей Россіи грома послѣдующихъ событій — она вдругъ вырывается изъ рукъ своихъ мучителей, она преодолеваетъ всѣ трудности огромнаго пути, она счастливо избѣгаетъ тысячи опасностей — и все это за тѣмъ, чтобы, прибывъ въ страну, гдѣ уже никто не могъ ее настигнуть, покончить всѣ счеты съ жизнью однимъ выстрѣломъ...

Ужасный исходъ! Разсудокъ, подавленный трагическимъ событіемъ, не въ силахъ слѣдить логическую цѣпь причинъ и слѣдствій и катастрофа кажется чѣмъ то невѣроятнымъ. Въ опустѣлой головѣ звучитъ только рядъ мучительныхъ вопросовъ, на которые отвѣчаетъ лишь тупая боль.

А между тѣмъ отвѣчать необходимо. Роковой вопросъ стоитъ передъ глазами и совѣстью и неотвязно требуетъ отвѣта:

Что побудило эту женщину поднять на себя руку въ ту минуту, когда ей, казалось, улыбалась заря новой жизни?

Вотъ вопросъ, который задастъ себѣ всякій до кого дошла печальная вѣсть. — Отвѣтомъ на него послужитъ повѣсть о страдальческой жизни этой женщины. — Попробуемъ же рассказать что знаемъ о ней съ той правдивостью, какую налагаетъ на насъ память о ней.

С. И. Бардина родилась въ 1853 г. въ г. Моршанскѣ, Тамбовской губ. Свѣдѣнія наши о ея дѣтскихъ годахъ, къ сожалѣнію, очень ограничены. Знаемъ только, что отецъ ея былъ частнымъ приставомъ и отличался

*) Мы получили эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

Многоуважаемый г. Редакторъ!

Сочувствіе личности и дѣятельности С. И. Бардиной, не разъ выраженное Вашимъ органомъ, дастъ мнѣ увѣренность, что Вы не откажете въ гостепріимствѣ моимъ бѣглымъ замѣткамъ о ней, не смотря на то, что, быть можетъ, несогласія между нами въ оцѣнкѣ разныхъ явленій нашей революціонной жизни проскользнутъ кое-гдѣ въ моемъ очеркѣ: почтѣть память товарища — дѣло, стоящее выше частныхъ политическихъ разногласій!